

доточивъ силы свои, станутъ твердою ногою. Жребій брошенъ, русскіе, ретируясь во внутреннія свои земли, находятъ вездѣ сильныя подкрѣпленія, и нѣтъ сомнѣнія, что они вступятъ въ битву лишь тогда, когда выгода мѣста и времени дастъ имъ увѣренность въ успѣхѣ.

„Нѣсколько дней раздача провіанта становится весьма безпорядочною: сухари всѣ вышли, вина и водки нѣтъ ни капли, люди питаются одной говядиною отъ скота, отнятаго у жителей окрестныхъ деревень. Но и мяса надолго не хватитъ, такъ какъ жители при нашемъ приближеніи разбѣгаются и уносятъ съ собою все, что только могутъ взять, и скрываются въ густыхъ, почти неприступныхъ лѣсахъ.

„Солдаты наши оставляютъ свои знамена и расходятся искать пищи; русскіе мужики, встрѣчая ихъ по одиночкѣ или по нѣскольку человѣкъ, убиваютъ нашихъ дубьемъ, копьями и ружьями.

„Собранный въ небольшомъ количествѣ провіантъ въ Смоленскѣ отправленъ на возахъ за арміею, а здѣсь не остается ни одного фунта муки; уже нѣсколько дней нечего почти ѣсть бѣднымъ раненымъ, которыхъ здѣсь въ госпиталяхъ отъ 6 до 7 тысячъ. Сердце обливается кровью, когда

Французы подъ стѣнами Смоленска 6-го августа 1812 г.

видишь этихъ храбрыхъ воиновъ, валяющихся на соломѣ и не имѣющихъ подъ головою ничего, кромѣ мертвыхъ тѣлъ своихъ товарищей. Кто изъ нихъ въ состояніи говорить, тотъ проситъ только о кускѣ хлѣба или о тряпкѣ, или корнѣ, чтобы перевязать раны; но ничего этого нѣтъ. Нововыдуманныя лазаретныя фуры, еще за 50 миль отсюда, даже тѣ фуры, на которыхъ уложены самые необходимые предметы, не успѣваютъ за арміею, которая нигдѣ не останавливается и идетъ впередъ ускореннымъ маршемъ.

„Прежде, бывало, ни одинъ генералъ не вступалъ въ сраженіе, не имѣя при себѣ лазаретныхъ фуръ, а теперь все иначе; кровопролитнѣйшія сраженія начинаются, когда угодно; и горе раненымъ, зачѣмъ они не дали убить себя? Несчастные отдали бы послѣднюю рубашку для перевязки ранъ; теперь у нихъ нѣтъ ни лоскутка, и самыя легкія раны дѣлаются смертельными. Но всего болѣе голодъ губитъ людей. Мертвыя тѣла складываютъ въ кучу, тутъ же, подлѣ умирающихъ, на дворахъ и въ садахъ; нѣтъ ни заступовъ, ни рукъ, чтобы зарыть ихъ въ землю. Они начали уже гнить; нестерпимая вонь на всѣхъ улицахъ, она еще болѣе увеличивается отъ городскихъ рововъ, гдѣ до сихъ поръ навалены большія кучи мертвыхъ тѣлъ, а также множество мертвыхъ лошадей покрываютъ улицы и окрестности города. Всѣ эти мерзости, при довольно жаркой погодѣ, сдѣлали Смоленскъ самымъ несноснымъ мѣстомъ на земномъ шарѣ“.

А какъ обращались французы съ русскими, о томъ краснорѣчиво говоритъ „Памятникъ героямъ Отечественной войны“, подполковнику Павлу Ивановичу Энгельгардту и коллежскому асессору Семену